

Никитина Анна Дмитриевна

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ MISARUM I ANDURARUM: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ПРАВА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ КОНЦА III - СЕРЕДИНЫ II ТЫС. ДО Н.Э.

В статье рассматриваются два правовых термина, часто встречающихся в документах юга Месопотамии с конца III тыс. до н.э. - misarum и anduratum. Первый из них использовался как в официальных публичноправовых, так и в частноправовых текстах, второй, прежде всего, предназначался для правоприменительной практики. На основе подробного изучения источниковой базы можно сделать следующие выводы: каждый из терминов первоначально относился к одной из двух различных правовых традиций; к середине XVIII в. до н.э. юридическое понятие anduratum входит в misarum, но при этом категория misarum остается чисто публичноправовой, а в частных документах применяется либо термин anduratum, либо упоминается соответствующий указ царя (simdat sarrim).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 126-131. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

для существовавшего режима. Они были слишком «неформатны» и непредсказуемы для этого режима, в принципе не признававшего возможностей существования не находящихся под его полным контролем консолидированных общностей.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-600. Оп. 1.
2. Там же. Ф. Р-820. Оп. 1.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 1.
4. Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х годов. Новосибирск, 1987.
5. Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20-30-е годы: хроника языком документа. Улан-Удэ, 1993.
6. Дубина И. Д. Партизанское движение в Восточной Сибири (1918-1920 гг.). Иркутск, 1967.
7. Ильин А. С. Каинова печать: доцент, матрос и другие в котле сибирской индустриализации. Красноярск: Бергес, 2005.
8. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2.
9. Макаров А. А. Репрессии в Красноярском крае (1934-1938 гг.). Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2008.
10. Морозова О. М. От сумы, от тюрьмы и от сумасшедшего дома: деятельность «партизанских комиссий» (1919-1935 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/> (дата обращения: 15.04.2011).
11. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005.
12. Печерский В. А. Отношение крестьян Хакасии к аграрной политике государства в 30-е-40-е годы XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: вторые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. 6-7 октября 1997 г. Барнаул, 2000.
13. Посадский А. В. Феномен красных партизан. 1920-1930-е годы // Вопросы истории. 2010. № 1.
14. Стишов М. И. Большевицкое подполье и партизанское движение в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.). М., 1962.

FORMER RED PARTISANS AS REGIONAL ELITE RESOURCE (BY THE EXAMPLE OF EASTERN SIBERIA OF THE FIRST HALF OF THE 1930S)

Larisa Nikolaevna Metelkina, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Political Science and Native History
Irkutsk State University
mln@home.isu.ru

The article is devoted to the analysis of the reasons of the limited use of former red partisans as the resource of regional elites formation and of the peculiarities of their social status by the example of Eastern Siberia in the first half of the 1930s.

Key words and phrases: Eastern Siberia; regional elites; former red partisans and Red Guards; partisan commissions; promotion.

УДК 94(3)(340.152)

*В статье рассматриваются два правовых термина, часто встречающихся в документах юга Месопотамии с конца III тыс. до н.э. – *mišārum* и *andurārum*. Первый из них использовался как в официальных публично-правовых, так и в частноправовых текстах, второй, прежде всего, предназначался для правоприменительной практики. На основе подробного изучения источниковой базы можно сделать следующие выводы: каждый из терминов первоначально относился к одной из двух различных правовых традиций; к середине XVIII в. до н.э. юридическое понятие *andurārum* входит в *mišārum*, но при этом категория *mišārum* остается чисто публичноправовой, а в частных документах применяется либо термин *andurārum*, либо упоминается соответствующий указ царя (*šimdat šarrim*).*

Ключевые слова и фразы: указы о «справедливости»; правовая категория «освобождения»; указы царя; сакральная составляющая восстановления «справедливости»; Древневосточное право.

Анна Дмитриевна Никитина, к.и.н.

Кафедра гуманитарных дисциплин

Московский институт экономических преобразований

a.selena75@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ *MIŠĀRUM* И *ANDURĀRUM*: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ПРАВА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ КОНЦА III – СЕРЕДИНЫ II ТЫС. ДО Н.Э.[©]

Любой современный юрист и историк права, обращаясь к изучению древневосточного юридического наследия, неизбежно столкнется с термином *mišārum* («справедливость»), который встречается практически во всех источниках публичного права. Похожий по значению термин *andurārum* («освобождение») встречается

гораздо реже, и только в связи с конкретным правовым актом. Целью нашей работы является выявление правовой составляющей предмета исследования, обозначенного этими близкими по значению для определённого контекста терминами. Первый из них входил, как мы знаем, в казуистические формулы документов публично-го права и имел, по нашему мнению, в значительной степени религиозно-сакральные коннотации. Также мы покажем влияние публично-правовых источников права, непосредственно связанных с понятием *mīšarum*, на развитие частного прецедентного права, где иногда упоминался термин *andurārum* в качестве синонима.

Аккадское понятие *mīšarum* происходит от шумерского термина *nig-si-sa* («истина, справедливый порядок»), который в публично-правовых документах появляется впервые в законах царя государства III Династии Ура Ур-Намму (или его сына Шульги, конец XXII – начало XXI вв. до н.э.). Он содержится во введении, где сообщается о том, что царь «по повелению бога Уту установил справедливый порядок в стране» (строка 17, 30) [1, с. 61; 15, р. 13-17]. Похожую казуистическую формулу будут содержать законы правителя государства Иссин Липит-Иштара (последняя четверть XX в. до н.э.), где также во введении (строки 24-26) Нуамнир (бог Энлиль) призывает царя для восстановления «справедливости и порядка» в стране. Она же перейдет в нормативные публично-правовые документы, записанные на аккадском языке, где будет также включать в себя значение *kīttum* («право») [15, р. 27-28; 18, р. 428-429]. Далее мы обнаружим эту формулу и в знаменитых законах Хаммурапи (ЗХ), строки 16-18, где говорится, что боги Эа, Анум, Энлиль и Мардук поставили последнего царем, чтобы дать сиять «справедливости» в стране [3, с. 235-236].

«Справедливость» здесь мы можем трактовать как возвращение к древним, установленным богами порядкам. Боги, как мы видим, наделяют функциями по восстановлению такой «справедливости» царя, а он, в свою очередь, распространяет её с помощью правовых механизмов (*kīttum*) по всей стране.

Mīšarum в аккадском языке также имеет значение уравнивания, таким образом, правитель ещё и уравнивает в правах перед богами всех своих подданных.

В дальнейшем, как отмечает американский ученый Дж. Финкельштейн, ЗХ будут довольно часто копироваться преемниками Хаммурапи и более поздними правителями, а вместе с ними и интересующая нас казуистическая формула будет переходить от одного поколения к другому. Одна из неполных копий ЗХ, относящаяся ко времени правления последнего царя I Вавилонской династии – Самсудитаны (конец XVI в. до н.э.), была даже озаглавлена *dīnat mīšarim* – «закон (право) справедливости» [9, р. 83-89].

Однако наряду с нормативными документами один из рассматриваемых нами терминов мы встретим и в других источниках публично-го права, и прежде всего в т.н. указах (или эдиктах) о «справедливости», где на его основе правителями будут издаваться указы об освобождении (или отсрочки) от уплаты по долгам и налогам.

В рамках создания подобных указов мы также столкнемся с другим интересующим нас термином *andurārum*, который упоминается в частноправовых документах как определенный правовой элемент, обеспечивающий выполнение той части норм, которые связаны с возвращением свободы находящихся в рабском состоянии общинников и членов их семей. Кроме того, как сообщают документы, в правоприменительной практике «освобождение» включает в себя не только возвращение свободы, но, зачастую, и имущества.

Понятие *andurārum* также имеет шумерские корни. Как отмечают ученые, оно ведёт своё происхождение от термина *a-ma-ar-gi* (дословно – «возвращение к матери», что можно трактовать как освобождение). Очевидно, первоначально здесь имелось в виду возвращение проданного в рабство члена семьи к родителям. Этот термин впервые упомянут в тексте реформ правителя царства Лагаша Уруинимгины (вторая половина XXIV в. до н.э.), где указывается, что правовой акт «освобождения» знаменует собой восстановление царем истины и справедливости [2, с. 18-23; 5, р. 83-98; 12, р. 79].

Возвращаясь к указам о «справедливости» необходимо отметить, что документы такого типа, как подтверждают данные частноправовых источников, появляются в старовавилонском государстве, начиная с периода правления царя Сумулаэля (1880-1845 гг. до н.э.). В хронологически близкий период такие указы упоминаются в документах царства Эшнунны (правление Аби-Мадара и Ибалпиэля) [11, р. 66].

Рассмотрим более подробно указанный тип публично-правовых документов на примере указа о «справедливости» царя Аммицадуки.

Самая полная копия указа, составленная немецким ученым Ф. Р. Краусом из двух фрагментов, была разделена им же по смысловому контексту на двадцать параграфов [13, S. 14-135]. Первый параграф имеет плохую сохранность, но, вероятно, он содержал введение, где указывается, что «царь установил справедливый порядок в стране, и это было публично объявлено, поэтому сборщик налогов теперь не имеет права требовать уплаты долгов с домохозяев, тем более с применением силы».

Второй параграф является своего рода уточнением к введению, т.е. более подробно раскрывал его смысл. Подобное освобождение от долгов, прежде всего, касается полноправных граждан – амореев и аккадцев, которые являлись основой социально-экономической стабильности государства. Списыванию подлежат, как мы узнаем, все долги, накопленные за время правления отца Аммицадуки – царя Аммититаны.

Далее с параграфа 5 по параграф 9 (включительно) рассматриваются вопросы, возникающие при проведении торговых операций. В пятом параграфе говорится о предоставлении ссуды частному лицу на проведение торговых операций по продаже или покупке товара. Заемщик должен вернуть кредитору, только тот товар, который приобрел, если он не был уничтожен или украден. Если же кредитор будет «удерживать документ в своей руке», даже после клятвы, он должен отдать заемщику взятое им в шестикратном размере.

Шестой и седьмой параграфы также являются уточнением к пятому. В первом из них четко определяется необходимость возвращения торгового кредита, если аморей или аккадец – профессиональный торговец,

являющийся организатором, или членом торгового сообщества (*kārum*). Седьмой параграф посвящен ситуации, когда аморей или аккадец берет займы товар, ячмень, или деньги у торгового сообщества.

Восьмой параграф определяет систему выплат налогов «дворцу» (т.е. царю) торговыми сообществами самых крупных городов царства.

Девятый параграф предотвращает злоупотребления царских торговых агентов – тамкаров, по отношению к царским людям (арендаторам на землях).

Имеющий плохую сохранность параграф 10 посвящен деятельности царских пастухов, которым для выпаса скота, вероятно, предоставлялась земля «дворца». Они имели недоимки по падежу царского скота, которые царь в рамках указа им простил.

Параграфы 11 и 12 также рассматривают недоимки царских работников с различных категорий земель, в том числе и с пустошей, которые также были аннулированы. Параграф 13 фиксирует недоимки различных категорий царских арендаторов, т.е. тех, кто находился на службе царя (мушкенумов, редумов, баирумов и др.). Долги также будут прощены, но после сбора нового урожая та часть, которая идет на продажу, должна быть возвращена.

С этим параграфом перекликается параграф 17, где арендаторы, взявшие в аренду участки не более чем на 3 года, также могут не выплачивать своих долгов до нового урожая, и параграф 20, где эта же социальная группа берет кредит у местного начальника для зависимых от них работников.

Параграфы 14, 15 и 16 рассказывают о деятельности трактирщиков, которым также прощались недоимки по выплатам «дворцу».

В оставшихся 18 и 19 параграфах содержатся очень важные нормы, касающиеся положения должников, которые были изначально свободными общинниками. Глава семейства бежал, а члены его семьи, которые были первоначально полноправными свободными гражданами, были взяты в залог в рабство. В этом случае документ четко оговаривает необходимость возвращения им свободы. В случае же, если члены семьи были изначально в рабском состоянии, даже если они были рождены в доме заемщика, то свобода им не возвращается.

Менее сохранившаяся копия, опубликованная Дж. Финкельштейном, содержит всего 6 параграфов. Американская копия, по нашему мнению, имеет значительно меньше статей не только в связи с наличием лакун, но и потому, что она предназначалась для царских арендаторов и свободных общинников, которые, как индивидуально, так и в рамках различных торговых сообществ, занимались коммерцией, а также для самой торговой организаций – *kārum* Вавилона [8, р. 91-104; 10, р. 46-61].

Итак, перед нами одна из попыток восстановить «справедливость» или «справедливый порядок», который был установлен богами. При этом основная правовая идея документа, по нашему мнению, заключается именно в прощении долгов различных категорий общинников. Возвращение же свободы бывшим общинникам связано с необходимостью контролировать стремительно уменьшавшееся число податного населения, что отражено уже в ЗХ (№ 117, 118) [3, с. 226].

Исследователи имеют возможность познакомиться также с фрагментом другого документа подобного типа, описанного в письме вошедшего на престол царя Самсуилуны к своему начальнику области некому Этель-Пи-Мардуку.

Соответствующий указ, как мы знаем, должен был сопровождать восшествие на престол нового монарха, являясь одним из элементов сакральной составляющей его будущего правления. Именно об этом мы читаем с 6 по 15 строкам таблички. «...Чтобы мне сесть на трон отца своего перед богом Мардуком и чтобы поддержать налогоплательщиков, я отсрочил выплаты пастухов, земледельцев, я разбил табличку с долгом солдат-редума и баирума, а также мушкенума, я установил справедливость в стране...». Если мы сравним эту табличку с текстом указа царя Аммицадуки, то увидим четкое соответствие с расположением параграфов в документе. Вероятно, уже ко времени правления Самсуилуны подобные документы во многом приобрели законченный канонический вид [14, S. 56-71].

В отличие от ЗХ, документы подобного типа имели активную правоприменительную практику, что отражено в частноправовых источниках. Рассмотрим некоторые из них, относящиеся судебной практике старовавилонского периода.

Первые два документа, датируемые временем правления царя Суму-Ла-Эля (первая половина XIX в. до н.э.), дошли из Сиппара. В одном из них (№ 274) сообщается о части сада финиковых пальм, которая была куплена неким Аликумом, совместно свободной женщиной (вероятно – жрицей) Такуматум. Все семейство Аликума подали жалобу на Такуматум, которая, вероятно, будучи жрицей, не уплатила положенных налогов со своей части сада или использовала средства, предназначенные для выплаты налога храму, для покупки части участка лично для себя. В любом случае, судьям храма Шамаша рекомендуется, если они сочтут нужным, наложить штраф на ответчицу, но иск (жалобу) отклонить т.к. указанный юридический случай произошёл после возвращения царем «справедливости», т.е. после прощения по долгам [17, S. 380-381].

Во втором (№ 23) говорится об освобождении некоего Зугагума, лично свободного, но находившегося в долговом рабстве. Он получает свободу и остается в семье, где служил рабом, т.к. его усыновил глава семейства. В конце документа (со строки 25 по 47) четко указывается, что даже если Зугагум отречётся от своего приёмного отца, то будет платить штраф, как свободнорождённый, а табличку с его долгом, согласно указу царя, необходимо разбить (уничтожить). Однако здесь термин *mīšarum* не употребляется. Адресат ссылается на некий указ царя (*šimdat šarrim*) [Ibidem, S. 46-47].

Ко времени правления царя Хаммурапи (первая половина XVIII в. до н.э.) относится хорошо известная табличка № 45 (перевод сделан авторами публикации), где некая дама Хушшутум утерала свой документ, в котором был зафиксирован долг со стороны Нутупдум. Согласно указу царя, табличка должна была быть разбита,

но т.к. она была потеряна, вместо неё разбили ком земли, что может свидетельствовать о глубокой сакральной составляющей акта восстановления «справедливости». Сама же хозяйка пропавшей таблички должна принести клятву именем бога и царя, что в том случае, если она найдет её, то тотчас же уничтожит [16, p. 90].

К периоду царствования преемника Хаммурапи Самсуилуны относится табличка, которая является своеобразным правовым ответом на его указ. Это табличка № 47 (перевод сделан авторами публикации текстов), где начальник солдат (*šāpir gēde*) Тарибатум, ссылаясь на то, что Самсуилуна установил справедливость перед богом Шамашем для Сиппара и Вавилона, требует правильного решения и по его делу. Судьи Сиппара и Вавилона пересмотрели дела о покупке земель и домов и аннулировали те из них, которые не соответствовали указу. Однако, по мнению истца, его дело не попадало под юрисдикцию этого указа, но его табличка также была разбита. И поэтому он взывает к справедливости бога и его наместника царя, требуя у судьи восстановления документа. В конце документа мы читаем: «...пусть весь Сиппар видит, что слабый не может быть ограблен сильным!» [Ibidem, p. 91-92].

Таким образом, царь мог непосредственно и не вмешиваться в сам судебный процесс, но именно он являлся носителем высшей «справедливости» с сакральной точки зрения.

Ещё один документ, датированный правлением Самсуилуны (№ TD 15-АО 3010), где адресат сокрушается, что некий Или-Ведима взял у него в долг серебро, но обратно он получил на 10 сиклей меньше, что его огорчает [19, S. 148]. Однако долг был возвращен правильно, т.к. «...царь уже разбил запечатанный долг» (строки 18-19). Автор письма говорит о том, что он поклялся у царя и просит своего управляющего опечатать хотя бы оставшуюся часть серебра. В этом документе, как мы видим, говорится о торговом кредите, но истец по делу хочет доказать, что Или-Ведима профессиональный купец и должен вернуть кредит полностью. Для этого истец заключил под стражу агента ответчика.

Ещё одна, хронологически самая поздняя табличка (№ 273), происходит из Сиппара и датируется временем правления хорошо нам уже знакомого царя Аммицадуки. Она является своего рода логическим продолжением подробно изученного нами указа *mīšarum*, поскольку оба документа относятся, вероятно, к одному и тому же году, когда «Энлил явил свою благость и усилил господство царя» [13, S. 46-47, 17, S. 376-380].

Документ сообщает нам о злоупотреблениях некоего Илуни, который был царским тамкаром, и с помощью другого царского слуги Мардук-Мушаллима и его управляющего получил от царских арендаторов для последующей реализации 60 *kur* зерна. Однако ещё до получения этого зерна царь издал указ о «справедливости» и предоставил т.о. отсрочку всем царским земледельцам. Агент Илуни Варад-Син, вероятно, не знал о нарушении закона своим хозяином и не предполагал о том, что вместо 60 *kur* зерна, согласно указу, он должен обеспечить сохранность 16 *kur*, чтобы передать их затем в царское зернохранилище. Оставшиеся 44 *kur* Илуни забрал себе, а с арендаторов он, вероятно, хотел потребовать в следующем году возмещения за якобы недопоставленное зерно. Но у Варад-Сина имелся документ, который подтверждал передачу Илуни 60 *kur* зерна от царских земледельцев. Копия такого документа была и у Мардук-Мушаллима. После произнесения клятвы перед богом Шамашем судьи изобличили Варад-Син и Илуни, и виновным был признан Илуни. Его должны были подвергнуть сакральному наказанию, но при этом он отказался выплатить хотя бы 30 *kur* из числа недостающего зерна. В завершении таблички вместе со свидетелями упомянуты как судьи Вавилона, где происходило первоначальное расследование дела, так и судьи Сиппара, которые успешно закончили расследование и вынесли приговор.

Применение в прецедентной частноправовой практике похожих документов зафиксировано в государстве Ларса со времени правления царя Рим-Сина (последняя четверть XIX – первая четверть XVIII вв. до н.э.). Однако здесь непосредственно не упоминается термин *mīšarum*. Очень похожие по содержанию источники, также отменяющие выплаты по долгам и налогам, освобождающие из рабства свободных общинников и членов их семей, а также аннулирующие сделки купли-продажи, где собственность являлась платой за долги, называются указами или постановлениями царя (*šimdat* – или *dināt šarri*) [9, p. 72-89].

К примеру, мы можем указать на табличку (№ 38, перевод сделан авторами публикации), написанную в Ларсе в первые годы правления Хаммурапи (преемника Рим-Сина), некий Илум-Бани подал иск на Мар-Аммурума по поводу приобретенных им дома и сада, принадлежащих ранее его приёмному отцу. В данном документе указ, на который ссылается истец и согласно которому прощались долги его отца ответчику, после чего автоматически признаётся ничтожной и его сделка с последним, назван указом царя (*šimdat šarri*) [16, p. 79-80].

Основой таких указов и был рассматриваемый нами термин *andurārum* «освобождение», берущий своё начало в шумерской публичноправовой практике юга Месопотамии и непосредственно связанный с сакральным понятием *mīšarum*, характерным для старовавилонской юридической культуры. Однако, как мы увидим в других похожих табличках, понятие *andurārum* имеет более конкретный контекст и связано именно с правовым актом «освобождения». Основываясь на этом факте, некоторые из отечественных ученых ошибочно полагали, что указы «*mīšarum*» являются царскими надписями апологетического жанра [4, с. 9-20].

Однако, по нашему мнению, близость царских надписей и указов о «справедливости» обусловлена только общей религиозно-сакральной составляющей. Исследование большого числа старовавилонских частноправовых документов, подтверждающее наличие активной правоприменительной практики, дополняющей нормативную природу указов, подтверждает наш вывод.

Возвращаясь к рассмотрению правовой специфики термина *andurārum*, необходимо указать на то, что такое «освобождение» содержалось обычно в царских постановлениях – *šimdatum*.

Американский специалист М. де Ж. Эллис проводит параллели между аккадским термином *šimdatum* и шумерским *di-dib.ba*, употреблявшимся уже в документах частноправовой практики конца III тыс. до н.э. «диитила» (судебное решение). Как отмечает Эллис, так, к примеру, называлось в одном из старовавилонских документов

из Иссина введение к ЗХ, которое, как мы знаем, и содержит провозглашение царём «справедливости» – *mīšarum*. Она переводит этот термин как «правовое распоряжение царя». Большая часть из таких документов, как указывает ученый, были посвящены освобождению различных категорий населения от долгов [7, p. 74-82].

Французский ученый Ж.-М. Дюран приводит в рамках публикации писем из государства Мари, долгое время соседствующего со старовавилонским царством, а позднее ставшим его частью, несколько табличек, датированных правлением царя Зимри-Лима (около 1780-1759 гг. до н.э.), которые также содержат термин *andurārum* [6, p. 256-258].

В нашем распоряжении имеются фрагменты трёх писем (1082, 1083 и 1084, переведенные автором), где упомянуты рабы- и рабыни-амореи, которые по указу должны быть освобождены. Один из глав племенного союза, к которому относились эти люди, до того как попали в долговое рабство, требует выполнения указа. Однако слуга человека, которому они принадлежат теперь, предостерегает его от поспешности в решении данного вопроса, сообщая о том, что приложением к указу было несколько пунктов, оговорённых устно, в том числе, вероятно, по поводу возвращения собственникам украденных представителями племени овец. Этот факт может также служить доказательством многовековой традиции в использовании таких указов, характерной для обычного права, когда в письменной фиксации документов не возникало необходимости.

Также важным фактом, по нашему мнению, является то, что последний царь Мари Зимри-Лим на первом году своего царствования дарует, как отмечает исследователь, своим подданным «освобождение», а на третьем – восстанавливает «справедливость», объединяя несколько правовых традиций.

Как мы видим из источников, старовавилонские цари переняли более древнюю правовую традицию юга Месопотамии, где таким образом решались вопросы освобождения собственности и лично свободных обитателей (в т.ч. освобождения от долгов). Так в документе (№ 46, перевод сделан авторами публикации), датированном концом правления царя Хаммурапи, соседи Аммуру-Шеми и Ватар-Пиши не поделили участок пустоши рядом со своими землями. Истец, вероятно, отдал его за долги своему соседу, но, когда был провозглашен соответствующий указ, потребовал такой же участок назад, или попросил возместить его стоимость в серебре. В имеющей плохую сохранность заключительной части документа сообщается о том, что стороны пошли на мировую [16, p. 90-91].

А в документе (№ 39, перевод сделан авторами публикации), относящимся ко времени правления царя Амидитаны, где некий Мрдук-Кашид подал иск о возвращении ему части земли, истец ссылается непосредственно на *andurārum* и на соответствующий указ по поводу этого. Но земля, которая перешла за долги новому владельцу, уже была продана Авил-Мишаруму, и, как постановил суд, не может быть возвращена первоначальному владельцу [Ibidem, p. 81]. Также, в качестве подтверждения наших выводов, мы можем указать на ранее упоминавшийся документ № 23, где происходит освобождение ранее свободного общинника из долгового рабства [17, S. 46-47].

Таким образом, сравнивая правовые термины *andurārum* и *mīšarum*, мы можем отметить, что первый был непосредственной частью второго, как в современном праве правоприменительная практика непосредственно связана с нормативными источниками права. Юридическое понятие *mīšarum* имело, в большей степени, публичноправовой характер и поэтому несло в себе религиозно-сакральные черты, освещающая дорогу каждому новому правителю старовавилонского (и не только) царства как посланнику богов. «Справедливость» в этом контексте – это возвращение жителей страны к прежним справедливым общинным порядкам, их уравнивание в правах. Однако в чисто правовом понимании «справедливость» имеет более абстрактные коннотации. Изначально, как мы можем судить по самой структуре указов о «справедливости», цари только прощали или давали отсрочку по выплатам долгов. Но к началу XIX в. до н.э. положение свободных общинников настолько ухудшилось, что они вынуждены были продавать свои земли и дома за долги, а затем продавать и себя, и своих детей. Именно тогда в понятие *mīšarum* и вошло успешно зарекомендовавшее себя в более ранней правоприменительной практике «освобождение» – *andurārum*. Однако не все элементы, которые входят в правовой акт *andurārum* перешли в указы-*mīšarum*. К примеру, практика признания ничтожными сделок купли-продажи, участниками которых были должник и кредитор, характерная для применения «освобождения» в царстве Ларсы и, вероятно, Мари, не попала в указы. Это может быть связано с большой технической и юридической сложностью возвращения таких участков и домов, т.к. они уже могли ко времени издания указов неоднократно поменять своих владельцев. Сами же указы-*mīšarum*, как мы можем отметить, становятся своего рода промежуточным звеном в правовой структуре старовавилонского государства и его предшественников, связующей нитью между активно развивающейся прецедентной практикой и нормативными актами (или законами), которые не могли отражать постоянные изменения, происходившие в обществе.

Список литературы

1. Афанасьева В. К. Законы Ур-Намму // Вестник древней истории. 1960. № 1. С. 61-67.
2. Дьяконов И. М. Реформы Урукагины в Лагаше // Там же. 1951. № 1. С. 15-32.
3. Дьяконов И. М., Дунаевская И. М., Магацинер Я. М. Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства // Там же. 1952. № 3. С. 213-287.
4. Якобсон В. А. Возникновение писаного права в древней Месопотамии // Там же. 1981. № 4.
5. Charpin D., Todd J. M. Writing, Law and Kingship in Old Babylonian Mesopotamia. University of Chicago, 2010. P. 83-98.
6. Documents épistolaires du palais de Mari / presentes J.-M. Durand. Paris, 2000. Vol. III.
7. Ellis M. J. de. *Šimdatu* in the Old Babylonian Sources // Journal of Cuneiform Studies. 1972. Vol. 24. № 1.
8. Finkelstein J. J. Ammišaduqa's Edict and the Babylonian "Law Codes" // Ibidem. 1961. Vol. 15. № 2.

9. **Finkelstein J. J.** Some New Misharum Material and Its Implications // Studies in Honor of Benno Landsberger on His Seventy-Fifth Birthday. University of Chicago, 1965. P. 72-89.
10. **Finkelstein J. J.** The Edict of Ammišaduqa: a New Text // Revue d'assyriologie et d'antropologie orientales. 1969. № 63.
11. **Harris R.** The Archive of the Sin Temple in Khafajah (Tutub) // Journal of Cuneiform Studies. 1955. Vol. 9. № 3-4.
12. **Kramer S. N.** The Sumerians. Chicago: University of Chicago, 1963.
13. **Kraus F. R.** Ein Edikt des Königs Ammišaduqa von Babylon. Leiden, 1958.
14. **Kraus F. R.** Ein Edikt des Königs Samsu-iluna von Babylon // Studies in Honor of Benno Landsberger on His Seventy-Fifth Birthday. University of Chicago, 1965. S. 56-71.
15. **Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor** / by M. T. Roth. Atlanta, 1997. P. 13-72.
16. **Rendre la justice en Mesopotamie:** archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III-I-er millénaires avant J.-C.). Saint-Denis, 2000.
17. **Schorr M.** Urkunden des Altbabylonischen zivil-und Prozessrechts. Leipzig, 1913.
18. **Stell F. B.** The Code of Lipit-Ištar // American Journal of Archeology. 1948. № 52. P. 425-450.
19. **Ungnad A.** Babylonische Briefe. Leipzig, 1915.

JURIDICAL TERMS *MIŠĀRUM* AND *ANDURĀRUM*: SIMILARITIES, DIFFERENCES AND THEIR ROLE IN LAW DEVELOPMENT IN ANCIENT EAST OF THE END OF THE IIIRD – THE MIDDLE OF THE IIND MILLENNIA B. C.

Anna Dmitrievna Nikitina, Ph. D. in History
Department of Classical Disciplines
Moscow Institute of Economic Transformations
a.selena75@yandex.ru

The author considers the two legal terms which can be frequently met in the documents of Southern Mesopotamia since the end of the IIIrd millennium B.C. - *mišārum* and *andurārum*. The first of them is used both in official public-legal and private-legal texts. The second one was first of all used in law enforcement practice. On the basis of the detailed studying of source base the following conclusions can be made: each of the terms initially corresponded to one of the two different legal traditions; by the middle of the XVIIIth century B.C. the juridical notion *andurārum* was included into *mišārum* but at the same time the category *mišarum* remains a public-legal one and in private documents either the term *andurārum* is applied or the corresponding tsar's decree is mentioned (*šimdat šarrim*).

Key words and phrases: decrees about "justice"; legal category of "absolution"; tsar's decrees; sacral component of "justice" restoration; Ancient Eastern law.

УДК 13

Статья раскрывает субъективные стороны мотивации, характеризующие духовность человека, которые правомерно рассматривать в аспекте детерминизма социальных и экономических процессов в обществе. Разработка новой парадигмы экономических наук в период реформ связана с изменением понимания места человека в системе процессов общества как активного субъекта. Духовные процессы являются не фоном, а причиной развития общества в период модернизации.

Ключевые слова и фразы: мотив; духовность; субъект; сознание; ценности; культура; религия; труд; образ жизни.

Елена Юрьевна Новикова, д. филол. н., профессор
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Novikovaelena77@yandex.ru

СУБЪЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОТИВОВ И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА[©]

За последнее время в науках, исследующих социально-экономические процессы общества, заметно возрос интерес к проблемам человека и его субъективного мира: мотивам, интересам, эмоциям, ценностям, различным установкам, т.е. к тем явлениям и процессам, которые традиционно описываются как феномен духовности. Духовность, включенная в социально-экономические процессы, рассматривается в аспекте детерминизма. Это связано с тем, что создание новых социально-экономических структур в реформируемом обществе происходит не стихийно, а целенаправленно, на основе уже сформированных принципов общественного сознания и ценностей культуры. На наш взгляд, одним из наиболее эвристичных понятий для исследования роли духовности в социально-экономических процессах является понятие «мотив». Его преимущество определяется следующим:

— мотивы являются побуждениями, непосредственно связанными с деятельностью, творческой активностью, самореализацией личности. Мотивы, в отличие от других побуждений, имеют предметное содержание, они позволяют достаточно определенно предсказывать поведение человека в различных ситуациях, именно с мотивами связана характеристика человека как субъекта деятельности;